

«Уберите мусор по-братски!» Официальные и неформальные запретительные надписи в филиппинском городе

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА СТАНЮКОВИЧ ^[1]

✉ mstan@kunstkamera. ru

 <https://orcid.org/0000-0001-8928-4844>

^[1] Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:

Станюкович, М. В. (2026). «Уберите мусор по-братски!» Официальные и неформальные запретительные надписи в филиппинском городе. *Фольклор и антропология города*, 8(1), 186–217.

Статья посвящена исследованию визуального ландшафта филиппинских городов через призму регулирующих и запретительных надписей. Используя теоретическую рамку неформального урбанизма, автор рассматривает, как граждане осваивают и «обустраивают» городскую среду с помощью неофициальных каналов коммуникации. В работе анализируется типология и тематика текстов, отражающих острые инфраструктурные проблемы перенаселенных поселений: нехватку общественных туалетов, проблемы с вывозом мусора и сложную эпидемиологическую обстановку. Автор сопоставляет официальные и частные надписи (уделяя особое внимание рукописным объявлениям) и показывает, как в них проявляются властные отношения, смешение языков и культур, эмоциональные факторы, дихотомия вежливости и грубости, а также интересы собственников и торговцев.

Рассматриваются лингвистические аспекты: использование государственных языков (английского и филиппино/тагальского), региональных лингва франка (себуано, илоканский) и языков коренных народов (в частности, ифугао). Исследуются также креативные орфографические стратегии и «языковая игра», такие как использование английских числительных в качестве фонетических компонентов в местных словах (например, D2 для dito или Hi2 для hitu), что отражает влияние цифровой грамотности и культуры SMS-сообщений на физическое пространство надписей. Отдельный раздел посвящен надписям, связанным с традиционным жеванием бетеля. В контексте Ифугао эти тексты не запрещают саму практику, а ограничивают сплевывание красной слюны в общественных и торговых точках, что позволяет проследить столкновение древних обычаев с современными городскими нормами и требованиями гигиены.

Особое внимание уделено неспецифическим функциям рукописных знаков: маркированию территории и социальному контролю, трансляции частного дискурса и эстетизации запретов, связанных с «телесным низом». Опираясь на концепции М. М. Бахтина о карнавальности и гротескном реализме, автор показывает, как смеховая культура превращает запретительный текст, посвященный «веселой материи», в декоративный элемент городской среды.

В основе работы лежат полевые материалы, собранные автором в ходе экспедиций на Филиппины (1995–2026 годы) и хранящиеся в личном архиве,

а также материалы поездки 2025 году в Индонезию в составе экспедиции РГО. Статья вносит вклад в антропологию города, демонстрируя, как запретительный текст становится инструментом частного высказывания в пространстве, где доминирует дискурс власти.

Ключевые слова: визуальный ландшафт, антропология города, неформальный урбанизм, Филиппины, запретительные надписи, рукописные объявления, лингвистическая ситуация, жевание бетеля, М. М. Бахтин, смеховая культура, социальный контроль, таглиш

Благодарю коллег, особенно С. Б. Клименко и Е. М. Белякову, за полезные комментарии.

Дата поступления в редакцию: 09.01.2026

Дата рецензирования: 09.03.2026

Дата принятия к публикации: 10.03.2026

© М. В. Станюкович, 2026

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY, V. 8, N. 1, 2026

PUBLICATION TYPE: ARTICLE

EDN: GFSAOK

“Pare, pick up mo yung trash!” Official and informal prohibition signage in a Philippine city

MARIA V. STANYUKOVICH ^[1]

✉ mstan@kunstkamera. ru

 <https://orcid.org/0000-0001-8928-4844>

^[1] Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia

To cite this article:

Stanyukovich, M. V. (2026). “Pare, pick up mo yung trash!” Official and informal prohibition signage in a Philippine city. *Urban Folklore & Anthropology*, 8(1), 186–217.

This article explores the visual landscape of Philippine cities through the lens of regulatory and prohibitive signage. Using the framework of informal urbanism, the study examines how citizens navigate and “fix” their environments through informal communication. The work analyzes the typology and primary themes of these signs, which reflect the acute infrastructural challenges of overcrowded settlements: a lack of public toilets, waste management issues, and complex epidemiological conditions. The author compares official and private signage — focusing on handwritten notices — to demonstrate how these signs express power dynamics, the blending of languages and cultures, emotional factors, politeness versus rudeness, and the specific interests of property owners and vendors.

Linguistic aspects are examined, including the use of national languages (English and Filipino/Tagalog), regional lingua francas such as Cebuano and Ilocano, and indigenous languages such as Ifugao. The study further highlights creative orthographic strategies and ‘orthographic play’, such as the use of English numerals as phonetic components in vernacular words (e.g. “D2” for dito or “Hi2” for hitu), reflecting the influence of digital literacy and SMS conventions on physical signage. A specific section is dedicated to notices addressing traditional betel nut chewing; rather than banning the practice itself, these signs specifically target the spitting of red saliva in public and commercial spaces. This highlights the clash between long-standing cultural practices and modern urban hygiene requirements.

Special attention is given to the broader social functions of handwritten prohibitive signs: territorial marking and social control, the transmission of private discourse, and the aestheticization of prohibitions related to the “bodily lower stratum”. Drawing on Mikhail Bakhtin’s concepts of the carnivalesque and grotesque realism, the author explores how humor and “laughing culture” can transform a restrictive sign into a decorative element.

The study is based on field materials collected in the Philippines between 1995 and 2026, as well as materials from a 2025 trip to Indonesia with the Russian Geographical Society. This work contributes to urban anthropology by showing how prohibitive texts become tools of private discourse in spaces otherwise dominated by the language of authority.

Keywords: visual landscape, urban anthropology, informal urbanism, Philippines, prohibitive signage, handwritten notices, linguistic landscape, betel nut chewing, Mikhail Bakhtin, carnivalesque, social control, Taglish

I would like to thank my colleagues, especially S. B. Klimenko and E. M. Belyakova, for their helpful comments.

Received: 09.01.2026

Revised: 09.03.2026

Accepted: 10.03.2026

© M. V. Stanyukovich, 2026

Кто помойного ведра
В срок свой не выносит,
У того в башке мура,
Морда палки просит.

Вадим Шефнер. «Счастливым неудачник», 1965

Надпись, вынесенная в название статьи, встретила мне в 2016 году в Вольном ауле — районе частных домов в Нальчике. Этот рукописный призыв местных жителей восстановить чистоту, написанный на заборе и обращенный к соседям по району, где чужие ходят нечасто, хорошо передает тон частного дискурса в сфере, где доминирует властный дискурс. В Вольном ауле живут кабардинцы и балкарцы, а фраза написана по-русски (официальный язык). Она соединяет приказ (уберите) и вежливую форму, здесь принятую, «прошу вас как братьев»: обращение «брат» — форма вежливости, приятия. Это наш отечественный эквивалент фразы

“Pare, pick up mo yung trash!” (Приятель, убери мусор) — надписи на таглиш, совпадающей с ней по тону и содержанию. Таглишем (Taglish) называют смесь английского и тагальского, на котором говорят филиппинцы. В этой фразе два английских слова, «убери» и «мусор», и три тагальских. Первое, *Pare* — сокращение от *kumpare*, от испанского *compadre* — крестный, кум, приятель; на Филиппинах это слово также используется в значении «приятель», наряду с английским *bro*; английский глагол сочетается с тагальским местоимением *mo* («ты»), тагальское *yung* — разговорное «этот».

Формальный и неформальный запретительный текст в уличном пространстве современного города — тема, слабо разработанная в мировой антропологии. Исследователи антропологии Филиппин, кажется, совсем не уделяли ей внимания — в отличие от, скажем, граффити в контексте *street art* [Macapagal 2014]. Однако этой темой занимаются лингвисты, исследующие речевые коммуникативные акты, степени вежливости, интерференцию и лингвистическую ситуацию на материале разных языков — от европейских [Зенина 2011; Лихачев 2011] до филиппинских. В числе последних — работы по языковому ландшафту Манилы: петербургский филиппинист писал о тагальско-английской смене кодов в рекламе [Klimenko 2017], филиппинские лингвисты — о сочетании английского, тагальского и китайского в Бинондо, китайском районе столицы [Jazul, Bernardo 2017]. В данной статье рассматривается, какие типы знаков и запретительных уличных надписей чаще всего встречаются на Филиппинах, какова их основная тематика, в чем сходство и в чем различие между официальными надписями и граффити¹. Основное внимание будет уделено рукописным надписям, тому, как и какими средствами в них представлены властные отношения, смешение языков и культур, эмоциональные факторы, вежливость и грубость, смеховая культура, интересы собственников и торговцев. Будет показано, как знак/запретительный текст встраивается в локальную визуальную среду, намечены пути их эстетизации.

Моя основная специальность — исследование культуры и фольклора коренных народов Филиппин. Эти народы традиционно жили в небольших поселениях, разбросанных в горах, покрытых тропическим лесом, занимались заливным и сухоходльным рисосеянием, огородничеством, охотой и отчасти рыболовством. Однако в ходе полевой работы на архипелаге на протяжении трех десятилетий мне поневоле приходилось проводить определенное время в городах, в том числе в мегаполисе Метро Манила. Поневоле, поскольку филиппинский город — не слишком привлекательное

---

¹ Источники: 1995–2026 годы — полевые материалы автора из экспедиций на Филиппины, 2023 год — полевые материалы автора из поездки в Малайзию, 2025 год — полевые материалы автора из поездки с РГО по Индонезии (в личном архиве автора).

место, и чем город больше, тем жизнь в нем тяжелее. Этот взгляд, однако, не разделяют многие выходцы из среды коренных народов, которых города привлекают наличием водопровода, канализации (электричество на моей памяти распространилось на Филиппинах почти повсеместно) и прочих благ, а главное — возможностью отказать от сельскохозяйственных работ под палящим солнцем. Спектр занятий представителей коренных народов в городе простирается от торговца поддержанной обувью или профессионального нищего, до чиновника Министерства Иностранных дел, начальника полицейского участка или генерала армии. Первый, самый плачевный вариант, характерен для сама-баджао, «морских цыган» юга архипелага. Баджао жили в лодках и потому не имеют наследственных территорий. Опасная обстановка в морях вокруг островов Сулу вынудила этот мирный народ оставить традиционные занятия (морская торговля, рыбалка, ныряние за жемчугом, трепангом), они оказались бесприютными; в лучшем случае местные власти позволяют им занять самые бросовые участки побережья [Станюкович, Федоров 2018]. Карьеру в армии и полиции сделали многие ифугао и другие горцы Центральных Кордильер Лусона, до сравнительно недавнего времени сохранявшие воинские традиции охотников за головами [Станюкович 1997]. Так или иначе, присутствие коренных народов в иноэтнических для них городах — непреложная часть современной филиппинской повседневности.

Поселения коренных сообществ на землях предков, прежде наименее затронутые влиянием современной городской культуры, также стремительно урбанизируются. Этот процесс обусловлен христианизацией, «филиппинизацией» анимистических анклавов и взрывным ростом населения страны. Хутора превращаются в деревни, деревни — в поселки, на их улицах появляются знаки и граффити, характерные для больших городов. Интересные сдвиги происходят в терминологии по мере проникновения английских названий «город» и «деревня» в испано-филиппинскую номенклатуру иерархии населенных пунктов, сложившуюся еще в XVI веке. Согласно ныне действующему административному делению территория страны делится на регионы, регионы — на провинции и независимые города (*malayang lungsod*, «свободный город», или *siyudad*, от исп. *ciudad*, «город»), провинции — на компонентные города (*nakapaloob na lungsod*, букв. «внутренний город», или *siyudad*) и муниципалитеты; те, в свою очередь, на барангаи (*barangay*) или баррио (*barrio*), состоящие из самых мелких единиц — ситио (*sitio*), квартал в поселении или хутор. При этом в повседневной речи и в массмедиа термины *lungsod*, *syudad*, *барангай* и *баррио* заменяются английским *town*. Таким образом, под понятие «город» подпадают поселения всех уровней, городские и сельские. При необходимости для уточнения используют английские термины *urban* и *rural* —

urban barangay/barrio, rural barangay/barrio. В то же время английский термин *village* («деревня») не применяется к сельским местностям, а используется для обозначения самых элитных закрытых районов столицы (Форбс Парк, Дасмариньяс Вилладж) и других крупных городов (Санта Ниньо Вилладж в городе Себу).

Языковая ситуация

На 2025 год по данным Этнолога, самого авторитетного источника по языкам мира, на Филиппинах 184 языка, включая 175 живых местных языков, 59 из которых находятся на грани исчезновения и 9 иностранных и 2 мертвых языка². Статус государственных имеют два — английский и филипино, искусственный язык, по сути тагальский с некоторыми изменениями в орфографии и добавлениями в лексику, объявленный общенациональным языком. Филиппинская языковая ситуация (в дисциплинах, не связанных напрямую с лингвистикой, ее также именуют лингвистическим ландшафтом) детально рассмотрена в книге московской лингвистки Е. Г. Фроловой. Она отмечает, что в качестве лингва франка доминирует английский, за ним идет филипино. Филипино (тагальский) приближается к английскому по числу коммуникативных сфер, им обслуживаемых [Фролова 2019: 171]. В интересующей нас области (уличные надписи и знаки) английский преобладает. Такая же ситуация в сфере рекламы, как показал С. Б. Клименко: из 127 рассмотренных им манильских рекламных текстов треть — на английском, лишь 2 на тагальском, остальные — на таглише (смеси английского и тагальского). Предпочтение английского он объясняет тем, что этот язык имеет более высокий статус и ассоциируется с официальной ситуацией [Klimenko 2017: 306, 326]. Впрочем, Филиппины в этом не одиноки: во всем мире английский является языком номер один для названий продуктов и компаний [Bhatia, Ritchie 2006: 606]; в немецкой рекламе объявления, содержащие английские слова, составляют 70% [Piller 2001: 157–158, цит. по: Klimenko 2017: 303].

Филиппинское городское пространство, виды и тематика регулирующих надписей

Филиппины — одна из самых перенаселенных стран мира, с плотностью почти 400 человек на квадратный километр (для сравнения: плотность населения в России — 8,5 человек на квадратный километр, в европейской части России — 25 человек на квадратный километр). Так было не всегда. В 1800 году население Филиппин составляло 1,89 млн, в 1900 — 6,5 млн, в 1950 — 18,5 млн, в 2020 — 112

² <https://www.ethnologue.com/country/PH/>

млн. На январь 2026 года население Филиппин превышает 117 млн 292 тысячи человек³; более половины, то есть свыше 57 млн, живут в городах. Это совершенно новая ситуация для аграрной страны, какой были Филиппины до середины XX века, с населением 18,5 млн, из которых в городах жило меньше трети — 5 млн [Porio 2009]. Манила — самый густонаселенный город в мире, с плотностью 42 857 человек на квадратный километр⁴. В стране более десяти городов-миллионников, число городов с населением более 100 тысяч человек приближается к сотне. Города не справляются с инфраструктурной нагрузкой; одновременно происходит урбанизация сельских поселений. Все они, включая урбанистический монстр — Манилу, лишены глобальной инженерной инфраструктуры, испытывают постоянные проблемы с водоснабжением, канализацией, электричеством, вывозом мусора, качеством воздуха. Столичные жители часто прикрывают рот и нос маленькими полотенцами или носят их в зубах (Рис. 1). Обилие регулятивных знаков отражает неблагополучие в этих сферах и попытки вовлечь жителей в процесс улучшения ситуации.

Рис. 1. Студент столичного университета с маленьким полотенцем в зубах — обычное зрелище в Маниле, жители которой так спасаются от загрязненного воздуха. Рядом — плохо различимый плакат с надписью по-английски: FEU students keep their campus clean («Студенты Дальневосточного университета содержат свой кампус в чистоте»), Манила, 2012. Фото М. В. Станюкович

Fig. 1. A student at a metropolitan university with a small towel in his teeth—a common sight in Manila as residents protect themselves from air pollution. A hardly readable English signage nearby claims: "FEU students keep their campus clean."
Photo by M. V. Stanyukovich, Manila, 2012.

³ <https://www.worldometers.info/world-population/philippines-population/>

⁴ <https://worldpopulationreview.com/cities/philippines/manila/>

Официальные знаки делятся на информационные (проход там-то), предупреждающие (впереди обвал) и запрещающие (не сорить), в то время как рукописные надписи практически всегда запрещающие. Официальный знак может иметь вид стандартного дорожного знака, отдельно стоящего или подвешенного на проводах, таблички из пластика ПВХ или оцинкованного металла, художественного плаката или большого информационного щита. Текст официальных знаков варьирует от формальных фраз типа «Свалка мусора запрещена» до императивных призывов к индивидуальному поведению — «не мочиться», «не сорить», «не плевать бетель»; рукописные знаки, как правило, второго типа. Запреты на плакатах часто снабжены отсылкой к соответствующему приказу с указанием размера штрафа, призывами («Сохраним наш город зеленым и чистым!», *clean and green*), схематическими изображениями нарушителей и грозящих им кар, цветными картинками, подробным указанием, какой властный орган выпустил плакат. Властные органы могут быть самого разного уровня — президент и его администрация, региональные, городские власти, совет директоров товарищества собственников кондоминиума, полиция, церковь, департамент управления транспортом, администрации медицинских и образовательных учреждений, торговых центров. Попадают плакаты, на которых представлено сразу все, перечислены все виды нарушений (в данном примере по-английски):

ДАВАЙТЕ СОХРАНИМ НАШ ГОРОД ЧИСТЫМ	
НЕТ	МУСОРУ
	ВАНДАЛИЗМУ
	МОЧЕИСПУСКАНИЮ
	ПЛЕВАНИЮ
МАКСИМАЛЬНЫЙ ШТРАФ ТЫСЯЧА ПЕСО	ВО ВСЕХ ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ
ОБЩЕЕ АНТИМУСОРНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА ИЛОИЛО	
РЕГУЛЯТИВНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ # 2004-140	
Джерри П. ТРЕНЬЯС МЭР ГОРОДА	

Плакат выполнен в четырех цветах — черный, белый, красный, зеленый, шрифт разных размеров, особенно выделено слово NO («нет»), в котором буква O выполнена красным в виде дорожного знака с черным силуэтом разбрасывающего мусор нарушителя внутри, перечеркнутым красной чертой; в левом верхнем углу герб города.

Однако чаще всего это лаконичные надписи на одном из двух государственных языках страны — английском и тагальском, он же филипино:

Do not urinate here	Bawal umihi dito	Здесь мочиться запрещено
No littering	Bawal magkalat dito Bawal magtapon ng basura dito	Здесь запрещено мусорить Здесь запрещено выбрасывать мусор

Во времена президента Дутерте (2016–2022), прославившегося расстрелами без суда, целые города были объявлены некурящими (разумеется, на своей частной территории, за забором, курить можно — если это не университет и не миссионерский компаунд). Мои информанты-ифугао, когда мы спускались на равнину в некурящий город Солано, не курили там (и мне не давали) из опасения огромного штрафа; информанты сама-баджао в Давао, родном городе Дутерте, в 2018 были уверены, что спасли меня от смерти, когда я закурила на улице — по их словам, патрульный уже снимал с плеча автомат.

Рис. 2. Надпись на тагальском *Tapat ko linis ko* («Перед моим домом я убираю») в муниципальном центре горной провинции Ифугао, где говорят на языке тували ифугао, а лингва франка — илоканский. Кiangан, Ифугао, остров Лусон, 2012.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 2. Tagalog signage *Tapat ko, linis ko* ("My frontage, my responsibility to clean") in a municipal center of the highland Ifugao Province. In this area, Tawali Ifugao is the native language and Ilocano serves as the lingua franca. Kiangан, Ifugao, Luzon, 2012.

Photo by M. V. Stanyukovich.

Иногда приказ властей оформлен как волеизъявление домовладельца: *Tapat ko linis ko* («Перед собой (то есть перед своим домом — М. С.) убираю я»). Плакаты с такой надписью по-тагальски я встречала в горных провинциях, это часть общей кампании региональных властей за чистоту поселений (Рис. 2). Тот же прием использован в распоряжении администрации столичного университета: *FEU students keep their campus clean* («Студенты Дальневосточного университета содержат свой кампус в чистоте»).

Сочетание зашкаливающе высокой плотности населения с естественными катастрофами (Филиппины входят в тройку мировых лидеров по их интенсивности и числу погибших) создает в городах постоянное состояние эпидемиологической опасности. Вспышки инфекционных заболеваний происходят регулярно, особенно в связи с наводнениями [Bankoff 2003; Helmer, Hespanol 1997], которые способствуют распространению заболеваний, передаваемых через воду (лептоспироз, гепатит А, а также реже встречающиеся на Филиппинах тиф, холера) и трансмиссивных лихорадок, которые переносятся комарами (малярия, желтая лихорадка, денге и чикунгунья). С профилактикой этих болезней, в первую очередь денге, связаны плакаты, призывающие уничтожать в личных хозяйствах резервуары со стоячей водой, в которой плодятся личинки комаров — например, шины на крышах, которыми утяжеляют листы кровельного железа, чтоб их не снесло ветром (Рис. 3). Это, как пра-

Рис. 3. Шины на крышах, в которых скапливается вода и плодятся личинки mosкитов. Манила, 2012. Фото М. В. Станюкович

Fig. 3. Tires on rooftops where water collects and mosquito larvae breed. Manila, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

вило, красочные плакаты со множеством картинок, изображающих насекомых-переносчиков, ведра, плошки, шины с водой, и с надписями по-английски, напоминающими о сезоне дождей и призывающими избавляться от источников стоячей воды. Такие постеры, впрочем, редко встречаются на улицах, чаще — в медицинских и образовательных центрах. Упомянем также рифмованную рекламу антимоскитных спреев: *Anti mosquito kada distrito* («Против москитов каждый район»). Это предложение на тагальском (филиппино) состоит из давно вошедших в язык испанских заимствований.

В общественных местах власти и администрация учреждений заботятся о безопасности и нравственности. Например, среди множества надписей на дверях госпиталя Св. Луки в Маниле наряду с другими («после 7 вечера не входить», «торговцам вход запрещен») можно увидеть приказы «пройти проверку» — то есть личный обыск — и «оставить огнестрельное и любое холодное оружие у дежурного охранника» (Рис. 4).

Рис. 4. Постеры на английском на двери одного из лучших госпиталей столицы. Манила, 2018. Фото М. В. Станюкович

Fig. 4. English-language posters on the door of one of the capital's best hospitals. Manila, 2018. Photo by M. V. Stanyukovich

На пустыре можно встретить объявление, запрещающее устраивать петушинные бои: *Bawal na ang sabong* («Петушинные бои теперь запрещены»), по крайней мере без разрешения — *Bawal na ang sabong na walang permit*, в сквере — постер *Bawal magdate dito* («Здесь запрещается устраивать свидания»). Филиппины, конечно, ориентированы в первую очередь на американский образ жизни, однако нормы поведения восточной страны, а также католические нормы (на равнинах практически все жители — католики) запрещают публичное проявление чувств.

Если посмотреть на Манилу сверху, покажется, что с растительностью здесь все хорошо — тропики, везде что-то растет. На самом деле уровень городского озеленения очень низок, крайне мало общественных садов, скверов, парков [Станюкович 2017]. Улицы не приспособлены для прогулок. Узкие тротуары, если они есть, загромождены припаркованными автомобилями, мусором, заняты тележками и жаровнями с уличной едой и сидящими вокруг покупателями; в благополучных местах потише тротуары используются как складское пространство, место стоянки мотоциклов, трайциклов (мотоцикл с коляской, наряду с маршруткой «джипни» — основной городской транспорт). Везде, кроме центральных магистралей с интенсивным движением, люди ходят по проезжей части, поскольку тротуары опасны для пешехода: во влажном тропическом климате бетонное покрытие быстро зарастает грибком и водорослями и становится очень скользким. Встречаются муниципальные плакаты и частные надписи с запретом парковок (*bawal putarada* — от испанского *parada*, остановка), с призывами не загромождать тротуары и не ходить по проезжей части. Состоятельные горожане живут в закрытых элитных компаундах (Дасмариньяс Вилладж, Форбс Парк в районе Макати в Маниле) и в кондоминиумах в районах попроще. На въезде в такие анклавные территории находятся контрольные посты, иногда чекпоинты с автоматчиками (то же на входе в кампусы университетов Атенео и Санто Томас). Однако некоторые закрытые поселения достаточно высокого уровня проницаемы — например, район Horseshoe drive, где находится гестхаус Летнего института лингвистики (SIL, американская организация переводчиков Библии, издающая *Этнолог*), центры других религиозных организаций, дома зажиточных граждан, включая *чиной* — филиппинских китайцев. Неконтролируемый переход через мостик из этого района ведет прямо в трущобный район; по нему проходят слуги, просачиваются торговцы и праздношатающиеся. Отсюда покупные таблички и частные надписи на стенах, запрещающие не только нарушать гигиену, но и просто заходить сюда, здесь находиться (*tumambay*, от англ. *stand by*). Иногда встречаются надписи по-английски (*Vendors not allowed* — «Торговцам вход за-

прещен», *Post no bill* — «Объявления не клеить», *No loitering* — «Не шататься здесь»), но в основном это запреты на тагальском:

Bawal pumasok ang hindi nakatira	Тем, кто [здесь] не живет, вход запрещен
Bawal ang tao dito	Здесь людям [находиться] запрещено
Bawal tumambay dito	Здесь запрещается находиться (болтаться без дела)
Bawal magsulat sa pader	Запрещено писать на стене

Это уже не взаимоотношения власти (администрации) и народа, а внутрирайонная коммуникация, но по-прежнему между неравными участниками: зажиточные жители оберегают свое пространство от вторжения людей низкого статуса.

Надписи, связанные с жеванием бетеля

Традиция жевания бетеля исторически — один из важнейших культурных маркеров Азиатско-Тихоокеанского региона. Эта растительно-минеральная смесь обладает легким стимулирующим или релаксирующим действием, подобно табаку и алкоголю. Основные ее компоненты — орех арековой пальмы *Areca catechu* L., лист бетельной лозы *Piper betle* L. и известь, которая высвобождает действующие вещества — алколоиды. В огромном географическом ареале, охватывающем едва ли не четверть мира, где издревле практиковали жевание бетеля, этот обычай был связан с такими категориями, как дружелюбие, этикет, вежливость, чистое дыхание, здоровье, красота, страсть, плодородие, драгоценные камни и золото, ораторское искусство, прозрение, связь с миром богов и духов. В первую очередь бетель — посланник, посредник между миром людей и духов; в срединном, человеческом мире он символизирует соединение мужского и женского начал [Ревуненкова 2008; Станюкович 2010а; 2010б; Rooney 1993; Stanyukovich 2014; Zumbroich 2007-2008]. Бетель составляет неперенный атрибут базового, наиболее устойчивого этажа ритуальной пирамиды — без него в традиционных культурах региона было невозможно обращение к богам и духам [Станюкович, Дмитренко 2025]. На Филиппинах мы по сей день наблюдаем ритуальное использование бетеля у коренных народов, анимистов и шаманистов, в то время как население равнин утратило представления о культурной значимости бетеля в процессе христианизации. Этого не произошло у народов, исповедующих другие религии. В Юго-Восточной и Южной Азии, в Микронезии, Меланезии, на Мадагаскаре, на Тайване и на юге Китая бетель со-

ставляет неотъемлемую часть подношений на алтаре, предназначенных богам и духам (Рис. 5–6); в то же время жевание бетеля в той или иной степени сохраняется как часть традиционной культуры, несмотря на многовековую борьбу с этим обычаем, начатую еще в эпоху географических открытий. Для миссионеров и колониальных чиновников жевание бетеля было символом дикости, отсталости азиатских обществ; с XX века основные атаки на него ведутся под флагом борьбы с опасностью рака слизистых ротовой полости. При этом совершенно не учитывается, что на протяжении тысячелетий обычай обеспечивал защиту от кишечно-желудочных и других инфекций благодаря антисептическим и антипаразитарным свойствам ареки (подробнее см. [Станюкович, 2015]).

Рис. 5–6. Бетельные листья как подношение на алтарь храма. Шри Рамайна Кейв, Пещеры Бату близ Куала Лумпура. Малайзия, 2023. Фото М. В. Станюкович

Fig. 5–6. Betel leaves as offering in the temple of Sri Ramayana cave, Batu caves in the vicinity of Kuala Lumpur. Photo by M. V. Stanyukovich, 2023, Malaysia.

Слюна, обильно выделяющаяся при жевании, окрашена в рыжий цвет, плевки на тротуарах выглядят, как пятна крови, и очень стойки. Для этой слюны есть отдельные термины в филиппинских языках (напр. *turpa* в тували ифугао); на английском ее принято называть *betel juice* или *betel saliva*, но чаще говорят просто *spit betel* — «плевать бетель» или «плевать бетелем». В горских языках Северного Лусона бетельная жвачка называется *тота* или *тотта*. На ифугао можно сказать *turpa tom(m)a* («бетельная слюна»), *tuturpa tom(m)a*

(«плевать бетель»). Официальные таблички, запрещающие плевать бетель, встречаются не только на базарах и на станциях междугородних автобусов, но и в самых дорогих гостиницах (Рис. 7).

Рис. 7. Запрет на плевание бетелем на дверях лифта в фешенебельной гостинице. Текст на английском и на индонезийском. Соронг, Индонезия, 2025.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 7. A sign prohibiting the spitting of betel nut on an elevator door in a luxury hotel. Text in English and Indonesian. Sorong, Indonesia, 2025. Photo by M. V. Stanyukovich

Рис. 8. Запрет плевать бетелем важен, он носит номер два (№ 02) в ряду городских запретов. Город Бонток, столица Горной провинции, Северный Лусон, 2008.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 8. A sign indicating that the ban on betel spitting is a priority, ranked as "No. 02" among municipal prohibitions. Photo by M. V. Stanyukovich, town of Bontoc, the capital of the Mountain Province, Northern Luzon, 2008.

На Филиппинах надписи, запрещающие плевание бетеля, чаще всего можно встретить там, где этот обычай до сих пор наиболее распространен — в горных провинциях Северного Лусона. В этих надписях хорошо представлено многоязычие. На базаре в столице Горной провинции, где основным языком бонток, в заголовок вынесено слово *PAKDAAR* («объявление» или «предупреждение») на лингва франка этого региона — илоканском, остальной текст на английском (*Рис. 8*).

Нередко хозяин лавочки или *кариндерии* (простенький уличный ресторанчик) буквально заполняет пространство вокруг своего заведения самодельными знаками, сделанными из тканей, бумаги, мешковины, кусков железа или дерева, с соответствующими надписями (*Рис. 9–13*).

Рис. 9. Надписи, запрещающие сплевывать красную от бетеля слюну вокруг лавочки — общий вид. Райцентр Кiangан, провинция Ифугао, Северный Лусон, 2012.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 9. General view of signs prohibiting the spitting of red betel juice around a small shop. Kiangan, Ifugao Province, Northern Luzon, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

В этих крайне непрезентабельных с виду объявлениях, написанных кое-как на тряпочках и картонках, реализуется сложная орфографическая игра, построенная на принципах транслингвальной омофонии. Авторы текстов активно используют ребусоподобные сокращения, заимствованные из глобального цифрового сленга и неформальной английской письменной речи (так называемого SMS-speak), адаптируя их под фонетику местных языков. Так, местоимение второго лица множественного числа *уи* в языке тували ифугао, созвучное английскому местоимению *you*, замещается в надписи ла-

тинской литерой U, графически дублирующей английское *you* (это совпадение здесь важнее, чем так же звучащее название буквы u). Аналогичным образом конструируется указательное местоимение *hitu* – «здесь»: *Hi2* – первый слог от ифугаоского *hitu* плюс числительное «2» в английском чтении (*two*), для передачи слога [-tu].

Рис. 10. ADIKA TUMUPPA HITU!!! NAAWATAM!! («Не плюй бетелем здесь!!! Понял!!!»), тували ифугао. Решительный энергичный запрет. Райцентр Кианган, провинция Ифугао, Северный Лусон, 2012. Фото М. В. Станюкович

Fig. 10. ADIKA TUMUPPA HITU!!! NAAWATAM!! (“Do not spit betel nut here!!! Understood!!!”), Tuwali Ifugao. A forceful and emphatic prohibition. Kiangang, Ifugao Province, Northern Luzon, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

Рис. 11. ADI U LOGMON TUPPA MOMA HITU PANGAASI U BAHAN («Благоволите не плевать бетелем где попало здесь. Спасибо»). Более вежливая, но твердая просьба на родном языке. Райцентр Кианган, провинция Ифугао, Северный Лусон, 2012.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 11. ADI U LOGMON TUPPA MOMA HITU PANGAASI U BAHAN (“Kindly do not spit betel juice everywhere here, thank you”). A more polite, yet firm request in the vernacular. Kiangang, Ifugao Province, Northern Luzon, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

Рис. 12. ADIKA TUMUPPA MOMMA HI2 DINGOL Y/U («Не плюй бетелем здесь, слышите вы!»). Райцентр Кианган, провинция Ифугао, Северный Лусон, 2012.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 12. ADIKA TUMUPPA MOMMA HI2 DINGOL Y/U (“Do not spit betel here. Do you hear me?”). Kiangan, Ifugao Province, Northern Luzon, 2012.

Photo by M. V. Stanyukovich

Рис. 13. MAID TUMUPPA MOMA HITU ADI U LOGMON HI TUPPA MOMA («Не плевать бетель здесь. Не плюйте бетелем где попало»). Райцентр Кианган, провинция Ифугао, Северный Лусон, 2012. Фото М. В. Станюкович

Fig. 13. MAID TUMUPPA MOMA HITU ADI U LOGMON HI TUPPA MOMA (“No spitting of betel here. Do not spit betel juice just anywhere”). Kiangan, Ifugao Province, Northern Luzon, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

ADIKA TUMUPPA HITU!!! NAAWATAM!!	НЕ ПЛЮЙ БЕТЕЛЕМ ЗДЕСЬ!!! ПОНЯЛ!!	Язык тували ифугао
ADI U LOGMON TUPPA MOMA HITU PANGAASI U BAHAN	НЕ ПЛЮЙТЕ БЕТЕЛЕМ ГДЕ ПОПАЛО ЗДЕСЬ БЛАГОВОЛИТЕ СПАСИБО	Язык тували ифугао + U + слова вежливости из илоканского + U
ADIKA TUMUPPA MOMMA HI2 DINGOL Y/U	НЕ ПЛЮЙ БЕТЕЛЕМ ЗДЕСЬ СЛЫШИТЕ ВЫ	Язык тували ифугао + HI2 (hi+[tu], «здесь»)
MAID TUMUPPA MOMA HITU ADI U LOGMON HI TUPPA MOMA	НЕ ПЛЕВАТЬ БЕТЕЛЬ ЗДЕСЬ НЕ ПЛЮЙТЕ БЕТЕЛЕМ ГДЕ ПОПАЛО	Язык тували ифугао + U

Подобная эстетизация запрета выполняет двойную функцию. С одной стороны, она служит инструментом визуальной экономии в ограниченном пространстве таблички. С другой стороны, в рамках бахтинской «смеховой культуры» [Бахтин 1990], использование молодежного цифрового кода «снижает» официальный пафос запретительной коммуникации. Происходит своеобразная карнавализация административного дискурса: сухой запрет на плевание бетелем трансформируется в живой диалог с элементом иронии, где глобальная поп-культура (латиница, цифры, английские сокращения) становится оболочкой для трансляции гигиенических норм и трансформации традиционных практик.

Антибетельные запреты принадлежат к числу первых надписей на языке тували ифугао, появившихся на улицах провинции. Этот язык до недавнего времени был бесписьменным; в 1990-е годы, когда я начала полевую работу в Ифугао, на нем практически не писал никто. Превращение ифугао в письменный язык связано не столько с разработкой грамматики и появлением первых словарей разговорного языка [Newell 1993; Hohulin, Hohulin 2014], сколько с распространением в провинции электричества и как следствие — компьютерных игр. Дети, выросшие с этими навыками, быстро освоили фейсбук, он и стал первой площадкой для письменной беседы на родном языке. Вторым шагом стало распространение мобильных телефонов. Звонить дорого, все обмениваются краткими текстовыми сообщениями.

Главный запрет: эстетизация «веселой материи»

Концентрация знаков в филиппинской городской среде столь велика, что они стали ее важным структурным элементом; их функции не ограничиваются тем, что на них изображено/написано. Они могут маркировать территорию, отражать властные и иерархические отношения (или их имитировать); наконец, любой знак может выполнять и хозяйственную, и декоративную функцию — как, например, приставленный к забору дорожный знак с надписью *Caution! Hump ahead* («Осторожно, впереди взгорок/бугор»), который одновременно подпирает забор и украшает его.

Однако есть одна надпись, которая не имеет равных по частотности среди средств наглядной агитации в городах — это запрет мочиться. Его мы встречаем практически повсеместно на стенах, заборах, перилах мостов, на отдельно стоящих деревьях — и даже на памятниках (Рис. 14, Рис. 15–16). Именно в этой теме разнообразие функций надписей проявляется сильнее всего.

Рис. 14. GUINADILI ANG PAG PANGIHI DINHING DAPITA! («Запрещено здесь мочиться Штраф!») Рукописный запрет мочиться под угрозой штрафа (*dapita*, старое заимствование из санскрита). Язык себуано. Городок Валенсия, остров Негрос, 2012.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 14. GUINADILI ANG PAG PANGIHI DINHING DAPITA! (“No urinating here Fine!”). A handwritten notice prohibiting urination under threat of a fine (*dapita* is an old loanword from Sanskrit). In Cebuano. Valencia, Negros Island, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

Рис. 15–16. Рукописный запрет, расположенный на постаменте памятника национальному герою Филиппин Лапу-Лапу, который убил Магеллана. PAHIBALO GINADILIANG PAG PANGIHI ORDER BY («Объявление. Мочиться запрещено. Приказ»). Язык себуано. Город Думанхуг, остров Себу, 2012. Фото М. В. Станюкович

Fig. 15–16. A handwritten notice prohibiting urination on the pedestal of the monument to the Philippine national hero Lapu-Lapu, who killed Magellan. PAHIBALO GINADILIANG PAG PANGIHI ORDER BY (“Notice. No urinating. By order”). In Cebuano. Dumanjug, Cebu Island, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

Наряду с такими незамысловатыми надписями встречаются эстетизированные — можно сказать художественные. Вот достаточно редкий случай, когда подобная официальная надпись по-английски составляет единую композицию с богатым орнаментом (*Рис. 17*).

Рис. 17. Богато орнаментированная надпись на заборе. Город Багио, остров Лусон, 2016. Фото С. Б. Клименко

Fig. 17. A richly ornamented sign painted on a fence. Baguio City, Luzon, 2016. Photo by S. B. Klimenko

Это, конечно, инициатива властей, стремление совместить две задачи: обеспечить чистоту и одновременно украсить город. Багио, «летняя столица Филиппин», привлекает своим прохладным горным климатом, самые богатые жители страны имеют здесь собственные резиденции, куда приезжают на праздники и выходные.

Рис. 18–19. Надпись по-тагальски BAWAL UMIHIN DITO («Мочиться запрещено») у лавочки около шоссе. На оборотной стороне ритмично раскиданы четыре одинаковые надписи такого же содержания с вопросительными знаками, написанные мелким шрифтом на себуано (bawal mangihi diri?). Город Диполог, остров Минданао, 2017.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 18–19. A Tagalog sign reading BAWAL UMIHIN DITO (“No urinating here”) near a roadside bench. On the reverse side, the same message appears four times, arranged rhythmically in smaller Cebuano lettering with question marks added (bawal mangihi diri?). Dipolog City, Mindanao, 2017. Photo by M. V. Sanyukovich

Еще более интересны частные инициативы. В них проявляется отношение филиппинцев к проблеме, их юмор, предприимчивость и художественный вкус. Запрет мочиться — неперемнная часть жизни, он везде; при этом соблюдается он плохо, городские пространства пропитаны запахом мочи. Как и в других странах Азии, куртуазность мужчин, справляющих нужду, ограничивается тем, что они поворачиваются ко всему миру спиной. Филиппинцы относятся к этому совершенно по М. М. Бахтину, который называл экскременты «веселой материей»⁵. Мой замечательный филиппинский коллега, показывая диораму в одном из столичных исторических музеев, обратил мое внимание на фигурку в толпе, изображающую повернувшегося к миру спиной, и пояснил: «Это юмор художника».

Сочетание этой вездесущности с юмористическим отношением к вопросам телесного низа делает текст основного запрета инструментом игры. Вот замечательный пример. Город Диполог, остров

⁵ Об амбивалентности телесного низа и нейтрализации отвращения через смех см. также главу «Смех, антиповедение и карнавал» книги «Человек и смех», где А. Г. Козинцев анализирует концепцию М. М. Бахтина и дает ей свою антропологическую интерпретацию [Козинцев 2007].

Минданао. Вдоль шоссе теснятся лавочки, конкурируя за внимание проезжающих мимо машин. Издали бросается в глаза яркое цветное пятно — большой лист гофрированного железа, выкрашенный в красный цвет — в советское время на таких кумачовых поверхностях писали «Слава КПСС». Прошу остановиться. «Парадная» сторона листа, обращенная к входу в лавку, «украшена» надписью очень крупными буквами по-тагальски: «МОЧИТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО». На оборотной стороне симметрично раскиданы надписи того же содержания, выполненные мелким шрифтом с воспитательным знаком на языке себуано (*bawal mangihi diri?*). Лавка была в тот момент закрыта, не удалось поговорить с владельцем — но его расчет безупречен. Надпись привлекает внимание потенциального клиента, заставляет остановиться, приводит его в хорошее настроение — может, что и купит (Рис. 18–19).

Текст надписи того же содержания превращается в художественное граффити (остров Негрос) (Рис. 20).

Рис. 20. Художественно исполненный главный запрет. Город Думагете, остров Негрос, 2018. Фото М. В. Станюкович

Fig. 20. An artistically rendered main prohibition sign. Dumaguete City, Negros, 2018. Photo by M. V. Stanyukovich

Вежливость, грубость и переключение кодов в рукописных объявлениях

Выбор английского или тагальского (филипино) как государственных языков, языков власти, для запретительных надписей естественен. При этом у английского языка статус гораздо выше. Однако запреты по-английски звучат для филиппинца довольно

грубо, поскольку лишены многочисленных показателей вежливости, характерных для австронезийских языков. Разумеется, есть они и в тагальском (филипино), однако рукописные надписи на этом языке обычно повторяют форму английских официальных запретов, не прибегая к частицам вежливости. Таков следующий пример, который, впрочем, отличается пропуском показателя *ng* и смягчен цифровой аббревиатурой для слова *dito*, «здесь» — D2 (о и и в тагальском — два варианта одной фонемы) (Рис. 21). Аналогичный пример мы уже видели в ифугаоской надписи про бетель, там было *Hi2* — *hitu*, «здесь» на тували ифугао.

Рис. 21. Рукописная табличка на углу: *Bawal magkalat [ng] basura sa harap D2 [dito]* («Здесь запрещено выбрасывать мусор перед домом»). Манила, 2012.

Фото М. В. Станюкович

Fig. 21. A handwritten sign on a street corner reading *Bawal magkalat [ng] basura sa harap D2 [dito]* (“Do not dump trash in front of this place”), using the shorthand D2 for *dito*.

Manila, 2012. Photo by M. V. Stanyukovich

Вежливый императив в тагальском объявлении встретился мне лишь однажды — во дворе знаменитой церкви города Обандо в провинции Булакан: *Pakiusap panatilihing malinis ang lugar* («Просьба поддерживать здесь чистоту»), 2018.

Элементы грубости в надписях — тоже редкость. Грубоватую надпись на языке тували ифугао я уже привела в разделе про бетель — «НЕ ПЛЮЙ БЕТЕЛЕМ ЗДЕСЬ!!! ПОНЯЛ!!!» Вот любопытный пример тагалазычной надписи, которым со мной поделился коллега — здесь использована идиома *takapal ang mukha*, букваль-

но «толстое лицо», в значении «быть наглым, наглеть»: BAWAL MAGTAPON NG BASURA DITO! [HU]WAG MAKAPAL ANG MUKHA MO! («Запрещено выбрасывать здесь мусор! Не наглей!») (Рис. 22).

Рис. 22. Сердитый призыв не выбрасывать здесь мусор: BAWAL MAGTAPON NG BASURA DITO! [HU]WAG MAKAPAL ANG MUKHA MO! («Запрещено выбрасывать здесь мусор! Не наглей!»). Манила, 2024. Фото С. Б. Клименко

Fig. 22. An angry notice prohibiting trash dumping: BAWAL MAGTAPON NG BASURA DITO! [HU]WAG MAKAPAL ANG MUKHA MO! (“No dumping trash here! Don’t be so brazen!”, literally: “Don’t have a thick face”). Manila, 2024. Photo by S. B. Klimenko

Однако как правило рукописные запреты в провинциях характеризуются повышенной вежливостью и многоязычием, с дублированием показателей вежливости на разных языках. Приведем пример из города Давао на острове Минданао. 75% дабавеньо (так называют жителей Давао) говорят на языке себуано, на тагальском – меньше 4% [Cooke, Lovitos 2023: 189]; улочка на окраине, на которой висит объявление, граничит с местом расселения самбаджао, говорящих на языке синама. В тексте лишь одно слово на себуано и ни одного на синама. Основной текст объявления – на филипино (тагальском), с включениями английских слов «ворота» и «пожалуйста», а также «пожалуйста» по-себуански (Рис. 23).

Рис. 23. Чрезвычайно вежливое рукописное объявление — запрет парковаться у ворот, с использованием слов и показателей вежливости из трех языков. Город Дavao, о. Минданао, Филиппины, 2018. Фото М. В. Станюкович

Fig. 23. An extremely polite handwritten notice prohibiting parking near a gate, using polite words and markers from three languages. Davao City, Mindanao, Philippines, 2018. Photo by M. V. Stanyukovich

Gate po ito	Это ворота	Английский, тагальский, частица вежливости po
Please!!!	Пожалуйста!!!	Английский
Palihog!!!	Пожалуйста!!!	Себуано
Huwag po ninyong Iharap Ang Inyong	Не ставьте ваши	Тагальский, частица вежливости po
Sasakyán Dito, GATE	Машины здесь, ВОРОТА	Тагальский+английский
Po ito, <u>Daanan</u> Po Dito	Это, здесь проход	Частица вежливости po, дважды повторенная, тагальский
Salamat Po	Спасибо	Частица вежливости po, тагальский

Как мы видим, в короткой надписи из 21 слова треть — 7 слов — показатели вежливости: два «пожалуйста», одно «спасибо» и 4 употребления частицы вежливости.

Весьма куртуазно и объявление-запрет парковать хабал-хабал (мотоциклетные «такси») у аптеки. На первом плане — двое мужчин, сидящих в трайсикаде (более примитивное «велотакси»). Возможно, это водители, ожидающие клиентов (Рис. 24).

Holy Anne	Святой Анны	Английский
PHARMACY	Аптека	Английский
PALIHUG	Пожалуйста	Себуано
GUINADILI ANG PAG PARKING SA HABAL-HABAL...SALAMAT!	запрещена парковка хабал-хабал... Спасибо!	Себуано с использованием английской основы, «спасибо» по-тагальски

Рис. 24. Объявление-просьба не парковаться у аптеки. PALIHUG GUINADILI ANG PAG PARKING SA HABAL-HABAL...SALAMAT! («Пожалуйста запрещена парковка хабал-хабал... Спасибо!»), 2018. Фото М. В. Станюкович

Fig. 24. A request notice asking drivers not to park near a pharmacy. PALIHUG GUINADILI ANG PAG PARKING SA HABAL-HABAL...SALAMAT! (“Please, parking of habal-habal is prohibited... thank you!”), 2018. Photo by M. V. Stanyukovich

Заключение

Исследование визуального и лингвистического ландшафта филиппинских городов позволяет сделать ряд выводов о природе и функционировании запретительного текста в общественном пространстве.

Тон официальных объявлений сухо-нейтральный, без элементов вежливости или грубости: это власть указывает народу, что делать и чего не делать, напоминая о последствиях неповиновения. Рукописные запретительные объявления в богатых кварталах, обращенные к социально нижестоящим, выдержаны в том же стиле. Чем дальше от официальных запретов, несоблюдение которых чревато штрафами или другими санкциями, тем больше смягчается властный посыл. Разнообразие наступает, когда автор и адресат рукописного запрета равны по статусу, один другим не может повелевать, и, значит, нужно его не обидеть, а уговорить, убедить, воззвать к его чувствам (как вариант — пригрозить публичным порицанием). Здесь начинается полифония языков, эмоций, способов орнаментации — словесной или визуальной. Множественные надписи одного содержания, развешенные вокруг лавочки, многократное повторение лаконического основного запрета на поверхности одного щита или на пространстве забора, включение в текст объявления показателей вежливости на разных языках, ритмические повторы (*gate po ito, daanan po ito*) — все это можно рассматривать как орнаментацию. Таким образом императив встраивается в локальную визуальную среду и не выглядит как властный приказ. Другими словами, чем дальше от институциональной власти, тем сильнее необходимость смягчать запрет, потому что, когда легитимность ослабевает, нужно компенсировать это через вежливость.

Помимо прямой регулятивной задачи (предотвращение нарушений гигиены и порядка), рукописные и официальные знаки на Филиппинах выполняют ряд неспецифичных функций.

В условиях высокой плотности населения и проницаемости границ между элитными районами и трущобами, надписи (особенно частные) служат инструментом защиты частного пространства, маркирования территории и социального контроля. Они фиксируют границы владения и иерархические отношения, оберегая покой собственников от «вторжения» лиц с низким социальным статусом.

В отличие от стандартизированных государственных знаков, граффити передают живую реакцию жителей на бытовое неблагополучие. Они становятся формой «частного дискурса» в пространстве, где доминирует дискурс власти, позволяя авторам выражать просьбы «по-братски» или, напротив, проявлять раздражение (трансляция эмоционального состояния).

В регионах проживания коренных народов (например, у ифугао) запретительные надписи появляются одновременно с вовлечением молодежи в компьютерные игры, в общение в социальных сетях и с распространением мобильных телефонов. Эти граффити становятся одной из первых письменных форм функционирования бесписьменных ранее языков в физическом публичном про-

странстве; в них встречаются приемы языковой/орфографической игры, широко используемые в равнинных языках. Это свидетельствует о влиянии современных цифровых коммуникационных технологий, в первую очередь мобильного интернета и социальных сетей, на традиционную культуру.

Особое место в городской среде занимает эстетизация запретов, связанных с естественными потребностями и привычками (мочеиспускание, плевание бетеля). Борьба с бытовым загрязнением зачастую принимает формы художественной инициативы. Частные лица (а иногда и власти) стремятся совместить утилитарную задачу с украшением города, превращая запрет в объект визуального искусства и «эстетизируя» его, апеллируя к аспектам культурно-специфического юмора, связанным с телесным низом. Это позволяет встроить «низменные» темы в легитимное поле городской эстетики.

Концентрация знаков настолько высока, что они превращаются в самостоятельный декоративный элемент, причем нередко содержание текста, написанного на знаке, значения не имеет (использование дорожных знаков как придомных украшений, запрета как рекламы, создание богато орнаментированных настенных композиций, где практически нечитаемый текст вписан в сложный узор).

Таким образом, филиппинская запретительная надпись — это не просто приказ, инструмент принуждения. Она отражает столкновение традиционных практик с современными урбанистическими нормами, особенности властного и неформального дискурса, иерархию языков и культур в многонациональной стране, служит полигоном для языковых инноваций и демонстрирует уникальные способы эстетизации повседневного городского пространства.

Литература

- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М.: Художественная литература.
- Зенина, Е. В. (2011). Смещение речевых актов в англоязычных директивно-инструктивных надписях в процессе экспликации категории вежливости. *Известия Самарского научного центра РАН*, 13(2–5), 1213–1215.
- Козинцев, А. Г. (2007). *Человек и смех*. СПб.: Алетейя.
- Лихачев, С. В. (2011). Способы усиления речевого воздействия на адресата надписи. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология*, 2011(11), 209–217.
- Ревуненкова, Е. В. (2008). Ритуально-символическая роль бетеля в малайско-индонезийском регионе в прошлом и настоящем. В Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова (Ред.). *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г.*, 459–463. СПб.: МАЭ РАН.
- Станюкович, М. В. (1997). Охота за головами у ифугао: Практика и ритуал (по материалам начала XX в.). В Е. В. Ревуненкова, Н. А. Бутинов (Ред.).

Этнография, история, культура стран южных морей: Маклаевские чтения, 1995–1997 гг., 141–150. СПб.: МАЭ РАН.

- Станюкович, М. В. (2010а). Бетель и другие легкие жевательные стимуляторы растительного происхождения. Основные направления исследования (программа). В Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова (Ред.). *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.*, 323–328. СПб.: МАЭ РАН.
- Станюкович, М. В. (2010б). «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: символика *Aeges Catechu* и *Piper Betle* в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин. В А. Б. Ишполитова, В. Б. Колосова (Ред.). *Этноботаника. Acta Linguistica Petropolitana*, 6(1), 306–340. СПб.: Наука.
- Станюкович, М. В., Касаткина, А. К. (Ред.). (2015). *Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира*. СПб.: МАЭ РАН. (Маклаевский сборник. Вып. 5).
- Станюкович, М. В. (2015). Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки. В Станюкович М. В., Касаткина, А. К. (Ред.). *Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира*, 243–264. СПб.: МАЭ РАН. (Маклаевский сборник. Вып. 5).
- Станюкович, М. В. (2017). Заметки о городской флоре Филиппин. В Ю. К. Чистов, (Ред.). *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г.*, 143–151. СПб.: МАЭ РАН.
- Станюкович, М. В., Федоров, Р. В. (2018). Неотложная полевая этнография Юго-Восточной Азии. Север Камбоджи и юг Филиппин. *Кунсткамера*, (1), 109–121. DOI: 10.31250/2618-8619-2018-1-109-121
- Станюкович, М. В., Дмитренко, С. Ю. (2025). Три царства естества в ритуальной пирамиде коренных народов Юго-Восточной Азии. В *Тезисы научной конференции с международным участием «Три царства естества»*, 61–64. СПб.: ИЛИ РАН. DOI: 10.30842/9785605189404
- Фролова, Е. Г. (2019). *Языковые изменения на Филиппинах в контексте языковой ситуации*. М.: Ключ-С.
- Bankoff, G. (2003). Constructing vulnerability: The historical natural and social generation of flooding in metropolitan Manila. *Disasters*, 27(3), 95–109. <https://doi.org/10.1111/1467-7717.00230>
- Bhatia, T., Ritchie, W. (2006). Bilingualism in the global media and advertising. In T. Bhatia, W. Ritchie (Eds.). *The handbook of bilingualism*, 513–546. United Kingdom: Blackwell Publishing.
- Cooke, M. J. A., Lovitos, A. H. R. (2023). A grammar of Bisaya in Davao. *Journal of Social Work and Science Education*, 4(1), 188–197.
- Helmer, R., Hespanol, I. (Eds.). (1997). *Water pollution control – A guide to use of water quality management principles*. London: E & FN Spon.
- Hohulin, R. M., Hohulin, E. L. (2014). *Tuwali Ifugao dictionary and grammar sketch*. Manila: Linguistic Society of the Philippines.
- Jazul, M. E. M. A., Bernardo, A. S. (2017). A look into Manila Chinatown's linguistic landscape: The role of language and language ideologies. *Philippine Journal of Linguistics*, 48, 75–98.
- Klimenko, S. B. (2017). Social attitudes in bilingual advertising in Metro Manila Media. In A. K. Ogloblin, R. A. Yanson, S. Y. Dmitренко (Eds.). *Intercivilizational contacts in the countries of Southeast Asia: Historical perspectives and globalization*, 303–328. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Macapagal, K. (2014). Surface tensions: Urban graffiti and the image of the Philippine city. *The Manila Review*, 4. Retrieved from <https://eresearch.qmu.ac.uk/handle/20.500.12289/4198>

- Newell, L. E. (1993). *Batad Ifugao dictionary with ethnographic notes*. Manila: Linguistic Society of the Philippines.
- Piller, I. (2001). Identity constructions in multilingual advertising. *Language in Society*, 30(2), 153–186. <https://doi.org/10.1017/S0047404501002019>
- Porio, E. (2009). *Urban transition, poverty and development in the Philippines*. Manila: Ateneo de Manila University.
- Rooney, D. F. (1993). *Betel chewing traditions in South-East Asia*. Kuala Lumpur: Oxford University Press.
- Stanyukovich, M. V. (2014). Betel, ‘Lonely Heroes’ and magic birth in the Philippines and beyond: Comparative mythology, field work and folklore corpora. In K. Antoni, D. Weiss (Eds.). *Sources of mythology: Ancient and contemporary myths*, 179–206. Zurich: Berlin.
- Zumbroich, T. J. (2007). The origin and diffusion of betel chewing: A synthesis of evidence from South Asia, Southeast Asia and beyond. *eJournal of Indian Medicine*, 1(3), 87–140.

References

- Bakhtin, M. (1990). *Rabelais and his world*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian).
- Bankoff, G. (2003). Constructing vulnerability: The historical natural and social generation of flooding in metropolitan Manila. *Disasters*, 27(3), 95–109. <https://doi.org/10.1111/1467-7717.00230>
- Bhatia, T., Ritchie, W. (2006). Bilingualism in the global media and advertising. In T. Bhatia, W. Ritchie (Eds.). *The handbook of bilingualism*, 513–546. United Kingdom: Blackwell Publishing.
- Cooke, M. J. A., Lovitos, A. H. R. (2023). A grammar of Bisaya in Davao. *Journal of Social Work and Science Education*, 4(1), 188–197.
- Frolova, E. (2019). *Language changes in the Philippines in the context of the language situation*. Moscow: Klyuch-S. (In Russian).
- Helmer, R., Hespanol, I. (Eds.). (1997). *Water pollution control – A guide to use of water quality management principles*. London: E & FN Spon.
- Hohulin, R. M., Hohulin, E. L. (2014). *Tuwali Ifugao dictionary and grammar sketch*. Manila: Linguistic Society of the Philippines.
- Jazul, M. E. M. A., Bernardo, A. S. (2017). A look into Manila Chinatown’s linguistic landscape: The role of language and language ideologies. *Philippine Journal of Linguistics*, 48, 75–98.
- Klimenko, S. B. (2017). Social attitudes in bilingual advertising in Metro Manila Media. In A. K. Ogloblin, R. A. Yanson, S. Y. Dmitrenko (Eds.). *Intercivilizational contacts in the countries of Southeast Asia: Historical perspectives and globalization*, 303–328. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kozintsev, A. (2007). *Man and laughter*. Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russian).
- Likhachev, S. (2011). Methods of increasing the speech impact on the addressee of the inscription. *RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2011(11). (In Russian).
- Macapagal, K. (2014). Surface tensions: Urban graffiti and the image of the Philippine city. *The Manila Review*, 4. Retrieved from <https://eresearch.qmu.ac.uk/handle/20.500.12289/4198>
- Newell, L. E. (1993). *Batad Ifugao dictionary with ethnographic notes*. Manila: Linguistic Society of the Philippines.
- Piller, I. (2001). Identity constructions in multilingual advertising. *Language in Society*, 30(2), 153–186. <https://doi.org/10.1017/S0047404501002019>

- Porio, E. (2009). *Urban transition, poverty and development in the Philippines*. Manila: Ateneo de Manila University.
- Revunenkov, E. (2008). Ritual and symbolic role of betel in the Malay-Indonesian region in the past and present. In Yu. K. Chistov, M. A. Rubtsova (Eds.). *Radlov collection: Scientific research and museum projects of Museum of anthropology and ethnography of the Russian academy of sciences in 2007*, 459–463. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. (In Russian).
- Rooney, D. F. (1993). *Betel chewing traditions in South-East Asia*. Kuala Lumpur: Oxford University Press.
- Stanyukovich, M. (1997). Ifugao headhunting: Practice and ritual (data from the early 20th c.). In E. Revunenkov, N. Butinov (Eds.). *Ethnography, history, culture of the countries of the South Seas: Maklay readings, 1995–1997*, 141–150. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. (In Russian).
- Stanyukovich, M. (2010). “Son of betel nut and betel leaf”: Symbolism of Areca catechu and Piper betle in folklore and traditional culture of the Ifugao and other peoples of the Philippines. In A. Ippolitova, V. Kolosova (Eds.). *Ethnobotany. Acta Linguistica Petropolitana*, 6(1), 306–340. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Stanyukovich, M. (2010). Betel and other light plant-based chewing stimulants. Main research directions (programme). In Yu. K. Chistov, M. A. Rubtsova (Eds.). *Radlov collection: Scientific research and museum projects of Museum of anthropology and ethnography of the Russian academy of sciences in 2009*, 323–328. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. (In Russian).
- Stanyukovich, M. V. (2014). Betel, ‘Lonely Heroes’ and magic birth in the Philippines and beyond: Comparative mythology, field work and folklore corpora. In K. Antoni, D. Weiss (Eds.). *Sources of mythology: Ancient and contemporary myths*, 179–206. Zurich: Berlin.
- Stanyukovich, M. V., Kasatkina, A. K. (Eds.). (2015). *Betel, kava, kola, chat. Chewing stimulants in the ritual and mythology of the peoples of the world*. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. (In Russian).
- Stanyukovich, M. V. (2015). Black and white. Betel, tooth blackening and filing and colonial prejudices. In M.V. Stanyukovich, A.K.Kasatkina(Eds.). *Betel, kava, kola, khat. Chewing stimulants in the ritual and mythology of the peoples of the world*, 243–264. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. (In Russian).
- Stanyukovich, M. V. (2017). Notes on the Philippine urban flora. In Yu. K. Chistov (Ed.). *Radlov collection: Scientific research and museum projects of Museum of anthropology and ethnography of the Russian academy of sciences in 2016*, 143–151. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk. (In Russian).
- Stanyukovich, M. V., Fedorov, R. V. (2018). Urgent anthropological field work in South-east Asia. The North of Cambodia and the South of the Philippines. *Kunstkamera*, (1), 109–121. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-1-109-121> (In Russian).
- Stanyukovich, M., Dmitrenko, S. (2025). Three kingdoms of nature in the ritual pyramid of indigenous peoples of Southeast Asia. In *Proceedings of the international conference “Three Kingdoms of Nature”*, 61–64. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk. <https://doi.org/10.30842/9785605189404> (In Russian).
- Zenina, E. (2011). Mixing of speech acts in English-language directive-instructional inscriptions in the process of explication of the politeness category. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 13(2–5), 1213–1215. (In Russian).
- Zumbroich, T. J. (2007–2008). The origin and diffusion of betel chewing: A synthesis of evidence from South Asia, Southeast Asia and beyond. *eJournal of Indian Medicine*, 1(3), 87–140.